

К ПРОБЛЕМЕ НОМИНАЦИИ РАСТЕНИЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: TARAXACUM DENS-LEONIS DESF.

В статье на примере анализа способов номинации одного из распространенных во многих регионах растения Taraxacum dens-leonis Desf. рассматриваются процессы образования славянских фитонимов (анализируются механизмы отражения различных внемлингвистических признаков растения в его названиях, семантические изменения праславянских форм, заимствование фитонимической номенклатуры) а также семиотический статус растения в традиционной культуре.

Ключевые слова: фитонимы, семантическая мотивация, калька, ботаническая номенклатура, этнокультурный фон.

Фитонимы причисляются к одной из самых архаических слоев лексики славянских языков. Ботаническая номенклатура генетически представляет собой систему наименований растений, состоящую из общеславянских слов, образованных путем семантических изменений праиндоевропейских основ, заимствований из других индоевропейских языков (иногда из других языковых семей), а также искусственных образований, построенных по модели латинских, греческих, реже немецких систематических терминов. В качестве центра системы наименований того или иного растения выделяется литературное название, народные и научные названия составляют ее ближнюю периферию, а просторечные и диалектные формы, ботанические и фармакогнозические названия - дальнюю периферию.

Множественные номинации того или иного вида или рода растения представляют собой лексико-семантическую группу номинаций, объединяемых общностью денотативного значения, но различающихся словообразовательными средствами представления номинативного значения, мотивационными признаками, многообразием сигнификативных и эмоционально-оценочных компонентов значения. Ботаническая номенклатура образуется как путем лексико-семантической деривации, изменений праславянских словоформ, от которых образовывались отдельные фитонимы на славянской территории, так и в результате контактов с другими этносами и языками.

Языковеды многократно обращали внимание на тот факт, что многие названия растений имеют лексические или семантические соответствия в других языках. Причиной тому является древнее травоведение, разного происхождения гербарии и рецепты, молитвы и заклинания, читаемые и переписываемые знахарями, собирателями трав, а также, что немаловажно, монахами, владеющими латынью и немецким языком.

Неоднократно наблюдался также переход фитонима на другое растение. Как пишет Ядвига Ванякова, такое явление происходило часто в истории в ситуации, когда копировались латинские гербарии, а в данной стране это растение не произрастало. Тогда старались «заменить» его другим растением, имеющим – по мнению переписчиков – по-

хожие свойства. Так, например, известное, но ядовитое магическое растение *mandragora lekarska* *Mandragora officinarum* L., обладающее галлюциногенными свойствами, было заменено растением *pokrzyk wilcza jagoda*, *Atropa belladonna* L. [1: 37-38].

На протяжении веков многие фитонимы претерпевали разного рода преобразования, затрудняющие в наши дни идентификацию растения. Известно, что в слове может фиксироваться различное количество внеязыковых признаков, например, место произрастания, внешний вид растения, стадия развития, вкус, запах, применение растения и мн. др. Внеязыковой признак предмета, фиксируясь и становясь основанием номинации, носит название мотивировочного признака.

В принципе любое свойство, качество реалии может лечь в основу имени. Это могут быть объективно присущие растению признаки и признаки, связанные с субъективными факторами номинации, «кажущиеся», признаваемые номинатором как действительно наличествующие, или, например, связанные с воздействием на него того или иного растения. Причем одни и те же признаки могут приписываться разным растениям, что затрудняет их идентификацию.

Частую сложную проблему идентификации растения не решают не только его литературные, но и даже научные латинские названия. В разных странах и те, и другие имеют синонимы, что также затрудняет идентификацию. В качестве примера приведем научные обозначения хорошо всем известного одуванчика: *Taraxacum officinale* Webb., *Taraxacum officinale* Wigg., *Taraxacum vulgare* Schrank, *Taraxacum* sect. *Ruderalia*, *Taraxacum dens-leonis* Desf., *Taraxacum retroflexum* Lindl., *Leontodon taraxacum* L.

Гертруда Шерф отмечает, что древние авторы-переписчики книг не различали одуванчик и другие родственные растения [2: 179]. Мы поставили перед собой вопрос, что представляют собой «родственники одуванчика»? Если в прошлом ими считались просто похожие растения, то сколько их? Каковы их названия и какие признаки номинации легли в их основу?

В качестве отправной точки мы использовали «Определитель растений», автором которого является Марк Ильич Нейштадт и др. [3], «Świat roślin, skał i minerałów» Мартина Червенки и др. [4], а также знаменитый «Ботанический словарь» Николая Ивановича Анненкова [5].

Из представленных в них материалов следует, что первостепенным критерием отбора являются желтая цветочная корзинка и зубчатые листья растения. В поле зрения не случайно оказываются *salatnica leśna* *Aposeris foetida* (L.) Less., *mniszek błotny* *Taraxacum palustre* (Lyons) Symon., *mniszek późny* *Taraxacum serotinum* W. et K., *brodawnik zwyciężajny* *Leontodon hispidus*, *brodawnik różnoowocowy* *Thrinacia saxatilis* (Lam.) Holub et Moravec, *prosienicznik gładki* *Hypochaeris glabra* L. У всех перечисленных растений желтые корзинки расположены по одной на конце простого стебля. Вторая группа растений отличается тем, что на концах развилитого стебля сидят несколько желтых корзинок. Это *brodawnik jesienny* *Leontodon autumnalis* L., *mlecz błotny* *Sonchus paluster* L., *mlecz polny* *Sonchus arvensis* L., *pepawa cuchnąca* *Crepis foetida* L., *pepawa szczeniasta* *Crepis setosa* Hall. f., *pepawa Jacquina* *Crepis jacquini* Tausch.

Кроме одуванчика *Taraxacum officinale* Wigg. существует около дюжины похожих растений с желтыми цветками, стеблями с млечным соком и опушенными семенами, которые разносятся ветром. Данный факт, несомненно, повлиял на увеличение количе-

ства народных и диалектных названий одуванчика в славянских языках, а также на рост признаков мотивации, легших в их основу.

Валерия Борисовна Колосова, автор книги «Лексика и символика славянской народной ботаники», помещает в своей работе этноботанический очерк «Одуванчик», в котором анализирует значительное количество названий этого растения в славянских языках, располагая их по следующим признакам номинации:

- желтый цвет лепестков,
- полая безлистная цветочная стрелка,
- белый млечный сок растения,
- сходство сока одуванчика с молоком и сметаной,
- наличие пушистых, легко сдуваемых семян,
- сходство плодов одуванчика (всей семянки) с шапкой, светлым шаром, частично или полностью лысой головой,
- свойство стеблей одуванчика сворачиваться,
- медоносные свойства растения,
- горький вкус корней,
- горький вкус сока, считающегося вредным для человека,
- время появления растения,
- время цветения,
- использование в народной медицине,
- применение в магических целях [6: 187-193].

Ульрих Тайсен [7] приводит более 20 признаков номинации растения, послуживших источником его многочисленных наименований в немецком языке. В настоящей статье мы постараемся несколько расширить представленный этим и другими исследователями языковой материал и поделиться некоторыми рефлексиями, касающимися процессов номинации ботанических терминов.

Гаинз Шилхер сообщает, что в немецкоязычных странах существовало около 500 разных обозначений одуванчика [2: 179]. Немецкие травники XVI века называли растение *Pfaffernröhrlein*, *Sonnenwirbel*, *Mönchkopf*, *Löwenzahn*. Из-за сильных мочегонных свойств это растение получило также названия *Bettseicher*, *Bettpisser*, *Betbrunzer*. И действительно, одуванчик способствует процессам выделения, активизируя функцию почек и печени. Наиболее частотным стало также его имя *Löwenzahn*, мотивированное формой зубчатых или перистонадрезных листьев.

Рассмотрим еще раз названия, отражающие зубчатую форму листьев растения. Я. Ванякова в своей новейшей монографии приводит ряд славянских диалектных названий одуванчика, восходящих к средневековому (XIII век) латинскому названию *dens leonis*: польское *lwi ząb*, чешское *lvi zub*, словацкое *levský zub*, *l'vi zubeč*, русское *львиный зуб*, *львиный зубец*, словенское *levov zob*, справедливо замечая, что мало вероятно, чтобы носители говоров ассоциировали форму листьев одуванчика с зубами именно льва. Очевидно, подобные названия являются кальками латинского *dens leonis* или немецкого *Löwenzahn*. Также французские (*dent de lion*) и английские (*lion's tooth*, *dandelion*) названия растения являются дошедшими до наших дней старыми кальками с той же латыни [1: 179-180]. Между тем, названия, отражающие зубчатую форму листьев, могли возникнуть у носителей говоров и самостоятельно, но с использованием

другого компонента, например, *волк/волчий*: польское *wilczy ząb*, словацкое *vľčí zub*, украинское *вовчий зуб*.

Возвращаясь к проблеме семантической мотивации фитонимов, следует отметить, что наиболее характерным признаком одуванчика (и его родственников) являются пушистые шары из семян, образующиеся на месте желтой корзинки после отцветания. Каждая семянка снабжена парашютом. Сами по себе семечки не могут отделиться от своего ложа, но при порывах ветра они срываются и разносятся на довольно большие расстояния. На ночь и при сырой погоде волоски парашюта складываются, а обертка соцветия закрывает их. В сухое время и под утро обертка раскрывается, и парашюты расправляются. Когда семянка опускается на землю, парашют ее отваливается, а зубчики крепко впиваются в землю [3: 474].

Пушистые семечки одуванчика использовались детьми при гадании. В Баварии верили, что если одновременно облетали все семечки, тогда сдувающий их считался везунчиком, ему предстояло много приятного, или он просто «был ангелом». Если осталась хотя бы одна семянка, он – «дьявол». Сколько семечек смог сдуть человек, столько лет он проживет (заметим, что в корзинке одуванчика может находиться от ста до двухсот семечек). Если на стебле оставалась голая головка белого цвета, то считалось, что сдувающий после смерти попадет в рай, если черная – в ад, а если на ней будут маленькие темные пятнышки, то сдувавшему предстоит чистилище [2: 179].

Немецкий фитоним *Mönchkopf* восходит к детской игре с белым шариком. Как известно, после сдутия семечек на отцветшем растении остается голая головка, напоминающая монашескую тонзуру или просто лысину. Так возникли польские названия *mnich*, *mniszek pospólity*, *popia głowa*, *mnisza główka*, *plesz*, чешские *mníšská hlava*, *mníšská pleš* и др, русские *попова плешь*, *попово зуменце*, белорусское *ксяндзоў плеш*, – кальки латинского выражения *caput monachi*, а также оригинальное украинское образование *пади волос*.

Ряд названий восходит к праславянскому глаголу **dъmuxati*: так образовано само слово *одуван/одуванчик*, польские *dmuchacz*, *dmuchajek*, *dmuchawa*, *dmuchawka*, *dmuchnik*, *dmuchówka*, *podmucha*, *zdmuchawnik*, *dmuchawiec*, белорусские *дзьмухавец*, *дмухавец*. Интересен в этом отношении и болгарский фитоним ономатопеического характера *пух-пампум*, связанный, очевидно, с детскими играми с растением.

Польские названия *perawa*, *prawa*, чешские *purava*, *pourava*, *pírava*, словацкие *pírava*, *puprava*, украинские *помпава*, *пунава* восходят к праславянскому **porp*. Характерное круглое соплодие растения, как бы насаженное на длинную, гладкую палку, ассоциировалось также с предметом, что могло послужить мотивацией польского фитонима *bulawa hetmańska*.

Польские названия *dziad czy baba*, а также белорусское *dzed i баба* связаны с сохранившейся до сих пор детской игрой и гаданием, в котором после слабого дуновения полностью облетевшая головка получала название *деда*, а сохранившая хотя бы одну семянку – *бабы*. Такие же игры-гадания встречаем в России и в Украине. Со сдуванием пуха связаны также некоторые украинские наименования одуванчика, содержащие намек на непостоянство чувств: *дівоча сталість*, *хлопців/хлопцева любов*, *мужська вірність* (что особенно интересно в сравнении с немецкими названиями *Männertreu* и *Weibertreu*).

Украинские фитонимы *кульбаба*, *баба-куля*, *баба* прямо указывают на круглую форму необлетевшей семянки цветка, в то время как *дід(к)и*, *дедовник*, *дідики* – на пустое,

«облысевшее» цветоложе. Для сравнения приведем здесь и немецкое *Alt männerhaar* для обозначения необлетевшего, «волосатого» шара. Последние послужили в дельнейшем мотиватором образной номинации человека посредством фитонимической лексики во фразеологизме *божий одуванчик*, применяемого в отношении пожилого, немощного, тилого и беззащитного человека.

Как пишет Г. Шерф, в Германии дети играли с разными частями растения. Желтые соцветия кидали другим детям на голову и кричали «Теперь у тебя вши!» (Ср. одно из немецких наименований одуванчика *Läusblume* из-за многочисленных черных жучков, опыляющих цветки). Из бутонов цветков и стебельков делали как бы очки, а из стебельков, размоченных в воде, плели венки. Высокие стебли использовали как дудочки, трубки для плевания, отсюда название *Pfafferröhrlin* [2: 179-180].

Факт, что весь одуванчик содержит в себе белый млечный сок, мотивирует целый ряд его названий. В качестве наиболее типичных приведем *молочай*, *молочник*, белорусское *малачай*, польские *mlecz*, *mleczaj*, *mleczak*, *mlecznik*, словацкое *mlieč*, *mleč mlič*, македонское *млечка* (от праславянских **melko* и **melč* < **melkǫь*). Поскольку млечный сок выделяют еще и многие другие растения, появляются еще уточняющие элементы – прилагательные, позволяющие отличить объект от ряда ему подобных: *mlecz lekarski* (имеющий целебные свойства), *świni mlecz*, *mlecz świński* – охотно поедаемый свиньями, (ср. также немецкое *Kühblume*), болгарское *магарешка млечка* – поедаемый ослами. Таким образом возникает целый ряд фитонимов – устойчивых словосочетаний.

В заключение приведем еще несколько наиболее распространенных названий рассматриваемого растения, образованных по сходству с другим растением – *дикая цикория*, *русский цикорий*, а также названия, возникшие по ассоциации с другими растениями с уточнением колористики – украинские *цикорій жовтий*, *будяк жовтоцвітій*. Многочисленны и однословные его наименования: украинские *огники*, *фонарики*, *каганець*. Круглые, светлые шары одуванчика ассоциировались также с фонариками (болгарское *ламтички*).

Возможно, с цветовой символикой связаны украинские фитонимы *жидик*, *жидівська шапка*, белорусские *жыдоўкі* и немецкое *Judenblume*, ведь еще с древних времен желтый цвет используется как клеймо позора. Евреи в Средневековой Европе должны были носить особый желтый знак на одежде. Возможна и другая версия, согласно которой подобные наименования указывали на пейоративные характеристики растения как ненужного сорняка [7: 201]. Сюда же можно отнести болгарские номинации *глухарче*, *глушило* и др.

Пушистая, круглая головка растения могла ассоциироваться с пауком (*пауки*, *павки*, болгарское *павунко*), форма цветочных почек – со свиным рылом (ср. еще средневековое немецкое название *Saurüssel* – *rostrum porcinum*). На время появления растения указывают фитонимы *май*, польское *maje*, на место произрастания – *подорожник*, *придорож*, польские *podróżnik*, *przydrożnik*. Горький сок растения, считающийся вредным для человека, оказался мотиватором болгарского *отрочачка*, сербского *горко зелье* и др. Употребление его молодых листьев в пищу отражено в болгарском фитониме *салата*, а использование в качестве корма для животных в польских названиях *kaczyniec*, чешских *kačeneč*, *kačenka* и др. На употребление растения как целебного средства указывают названия *куриная слепота*, украинское *сліпота*, польское *brodawnik*, *nieżyt*, *ślepotą*.

Из приведенных примеров следует, что спектр экстралингвистических признаков, послуживших мотивацией для образования наименований растения, очень разнообраз-

ний, а его полное описание требует широкого вовлечения когнитивных механизмов, культурно-исторического материала, а также этнографических параллелей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Waniakowa J.* Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. — Kraków : Wyd. Uniw. Jagiellońskiego, 2012. — 282 с.
2. *Scherf G.* Die geheimnisvolle Welt der Zauberpflanzen und Hexenkräuter. Mythos und Magie heimischer Wild- und Kulturpflanzen. — München : BLV Buchverlag GmbH & Co. KG, 2007. — 223 с.
3. *Нейштадт М.И.* и др. Определитель растений средней полосы европейской части СССР. — Москва : Гос. учебно-педагогическое издательство Мин. Просвещения РСФСР, 1957. — 520 с.
4. *Červenka M.* i in. Świat roślin, skał i minerałów. — Warszawa : MULICO Oficyna Wydawnicza, 1997. — 400 с.
5. *Анненков Н.И.* Ботанический словарь. Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. — СПб. : Тип. Императ. Академии Наук, 1878. — 646 с.
6. *Колосова В.Б.* Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. — Москва : Индрик, 2009. — 352 с.
7. *Theißen U.* *Taraxacum officinale*: Zur Herkunft und Benennungsmotivation der Bezeichnungen für den Löwenzahn im Bulgarischen und in anderen slawischen Sprachen. // Zeitschrift für Balkanologie, 41 (2005) 2. — Wiesbaden : Harrassowitz, 2005. — с. 199-213.

Стаття надійшла до редакції 29.07.13

Малоха М., к.ф.н., доцент,
Університет Яна Кохановського, Кельце, Польща

ДО ПИТАННЯ ПРО НОМІНАЦІЮ СЛОВ'ЯНСЬКИХ ФІТОНІМІВ: TARAXACUM DENS-LEONIS DESF.

У статті на прикладі аналізу способів номінації однієї із найпоширеніших у багатьох регіонах рослин *Taraxacum dens-leonis* Desf. розглядаються процеси утворення слов'янських фітонімів (аналізуються механізми відображення різноманітних позамовних ознак рослини в її назвах, семантичні перетворення праслов'янських словоформ, запозичення фітонімичної номенклатури) а також семіотичний статус рослини у традиційній культурі.

Ключові слова: фітоніми, семантична мотивація, калька, ботанічна номенклатура, етнокультурне тло.

ON THE PROBLEM OF NOMINATION OF SLAVIC FITONYMS: TARAXACUM DENS-LEONIS DESF.

The paper presents the processes of formation of Slavic fitonyms on the basis of the analysis of nomination types for Taraxacum dens-leonis Desf., one of the most widespread plants in many regions. The author analyses the mechanisms of reflection of different extralinguistic features of the plant in its names, semantic changes, borrowing of nomenclature for fitonyms, and the semiotic status of the plant in traditional culture.

Key words: *fitonyms, semantic motivation, calque, botanical nomenclature, ethnocultural background.*

УДК 811.161.2

Т. Вільчинська, докт. філол. наук, професор,
Терн. нац. пед. ун-т імені Володимира Гнатюка, Тернопіль

ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ БІБЛІЙНОГО ПОХОДЖЕННЯ В УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ: НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНИЙ ТА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧНИЙ АСПЕКТИ

Стаття присвячена аналізу фразеологічних одиниць біблійного походження в українській етномовній картині світу. Дослідження виконане на лексикографічному матеріалі. Описано семантико-граматичні особливості таких фразеологізмів, з'ясовано їхню етносимволічну природу. Встановлено, що у фразеологізмах біблійного походження об'єктивуються такі ментальні риси українців, як віра в Бога, пошанування релігійних цінностей, негативне ставлення до демонічного.

Ключові слова: *фразеологічна одиниця, фразеологізми біблійного походження, символ, структурно-семантичні особливості.*

Кожна розвинена мова має у своєму складі значну кількість стійких словосполучень – фразеологізмів, яку витворив народ протягом віків для потреб спілкування. Саме у фразеології найяскравіше виявляється національна специфіка мови. Складні й суперечливі проблеми фразеології знайшли своє відображення в дослідженнях як вітчизняних, так і зарубіжних учених, зокрема Н. Д. Бабич, І. О. Виргана, М. Г. Демського, В. П. Жукова, Р. П. Зорівчак, В. С. Калашника, А. П. Коваль, Л. І. Коломієць, М. П. Коломійця, В. В. Коптілова, Ф. П. Медведєва, О. І. Молоткова, І. С. Олійник, Ю. Ф. Прадіда, О. О. Селіванової, Л. Г. Скрипник, В. М. Телії та ін. Проте, незважаючи на давність наукового інтересу до фразеології, чимало проблем потребують подальшого вивчення. Актуальність теми запропонованого дослідження визначається насамперед посиленням

© *Т. Вільчинська*, 2013